С. Н. РЫНДИН

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ПОДДАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Указывается, что большинство проживавших в Беларуси иностранцев накануне и в период Первой мировой войны состояли из подданных Германии и Австро-Венгрии. Поэтому данная группа населения находилась под пристальным наблюдением российских центральных и местных властей. В годы войны были существенно ограничены права иностранных диаспор, которые представляли воюющие с Россией государства. На примере белорусских губерний Российской империи раскрывается понятие «гражданские военнопленные». Освещается проведение арестов и выселения из прифронтовых губерний германских, австро-венгерских, турецких и китайских подданных. Рассматриваются условия жизни иностранцев, которые не подлежали выселению.

Статья основана на материалах фондов Национального исторического архива Беларуси. Автором использовались также опубликованные источники: первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. и ежегодные губернские статистические обзоры, составленные накануне и в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: гражданские военнопленные; выселения; конфискации.

In the article the author shows that the quantity of Germans and Austro-Hungarians among foreigners on the territory of Belarus in previous days and during First World War were prevail. Hence this group of population was controlled by Russian central and region government. During the war the rights of minorities whose nations were taking part in the war against Russia were reduced. Through the example of Belarussian governorates of the Russian Empire the author gives a definition of «civil captive». The article also shows providing of arrests and eviction Germans, Austro-Hungarians, Turkish and Chinese citizens from front's region. The author describe also the life's conditions of the foreigners were leaved in the same area.

The article is based on the sources from the National historical archive of Belarus. The author also used published sources such as the Russian Imperial Census of 1897 and annual governorate statistical reviews composed on the eve and during the World War I.

Key words: civil captives; deportation; confiscation.

Война всегда становилась этапным событием в жизни людей. Суровые законы военного времени кардинально изменяли правовое и социально-экономическое положение большей части населения. В значительной мере перемены затрагивали иностранных подданных, так как выходцы из государств-противников обычно воспринимались как «неблагонадежный элемент». Подозрительное отношение к иностранцам сводило к минимуму участие этой группы населения во всех сферах общественной жизни. В начале Первой мировой войны все военнообязанные подданные Германии, Австро-Венгрии и Турции на территории Российской империи образовали категорию военнопленных, находившихся в ведении гражданских властей.

Следует указать, что в отечественной историографии отсутствуют специальные обобщающие исследования политики российских властей в отношении иностранных подданных в годы Первой мировой войны.

В данной статье предпринята попытка выявить основные тенденции в деятельности правительства Российской империи в отношении проживавших в Беларуси иностранных подданных: организация учета иностранных подданных накануне и во время Первой мировой войны, проведение властями арестов и выселения подданных воюющих с Россией государств, а также мероприятия по отношению к оставленным в пределах Беларуси иностранцам.

Подробные статистические сведения о численности иностранцев на территории Беларуси с указанием подданства, родного языка и трудовой занятости впервые были представлены в первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Результаты переписи показывают, что в пределах Минской, Витебской, Виленской, Гродненской и Могилевской губерний постоянно проживали 12 973 иностранца (0,15 % от общего количества постоянных жителей данных губерний). Еще 495 отмечены как временно пребывавшие в месте переписи. Большинство состояло в подданстве сопредельных с Россией государств – Германии (9704 чел.) и Австро-Венгрии (2896 чел.). Также встречались представители Англии, Франции, Бельгии, Швейцарии, Турции и др. По языковому критерию преобладали носители немецкого (6046 чел.) и польского (4368 чел.) языков. 1110 человек своим родным языком назвали белорусский. Наибольшее количество иностранных подданных было сосредоточено в Минской (5127 чел.) и Гродненской (4722 чел.) губерниях (без учета лиц, временно находившихся в местах переписи, – 4928 и 4685 чел. соответственно)[1].

Значительная часть иностранцев (9136 чел.), относившихся к постоянному населению, обосновалась в деревнях и местечках. В ежегодных губернских статистических обзорах, за исключением обзоров Минской губернии, можно обнаружить сведения о численности иностранных подданных накануне и в период Первой мировой войны. В Виленской губернии к 1 января 1913 г. доля иностранцев в структуре населения составляла 0,08 % (1613 чел.), тогда как в 1897 г. – 0,11 % (1814 чел.)[2]. В Могилевской губернии число иммигрантов к концу 1913 г. возросло более чем в полтора раза – с 707 (0,04 % от всего населения губернии) в 1897 г. до 1260 чел. (0,11 %)[3]. В Гродненской губернии по этому показателю также можно отметить рост – с 4722 (0,12 %) в 1897 г. до 5326 (0,28 %) в 1913 г.[4] В Витебской губернии контингент иностранцев к концу 1914 г. включал 699 чел. (0,04 %), тогда как в 1897 г. – 1098 (0,08 %)[5]. Таким образом, удельный вес иностранцев в составе наличного населения четырех рассмотренных выше губерний к 1914 г. существенно не изменился.

Еще до начала Первой мировой войны местная гражданская администрация собирала сведения о пребывавших в уездах иммигрантах. В первую очередь губернское руководство интересовалось лицами, проходившими ранее военную службу в иностранных государствах. Информация затем передавалась военным властям. Представляют интерес поименные списки, которые прикладывали к своим рапортам

о политической благонадежности иностранных подданных уездные исправники. В данных списках указывались по каждому лицу страна подданства, место рождения, состав семьи, образование, род занятий и воинское звание на момент службы. Так, в феврале 1914 г. витебский губернатор предоставил в Штаб Виленского военного округа список 14 бывших военнослужащих Германии, Австро-Венгрии и Турции, проживавших в городе Двинске, а также в Витебском, Двинском, Дриссенском и Режицком уездах[6]. В этом же месяце в Штаб округа поступил список 46 иностранцев – жителей Люцинского, Невельского и Себежского уездов Витебской губернии. По роду занятий они были земледельцами, чернорабочими, слугами, плотниками, кирпичниками, мельниками и т. д. Только двое проходили в прошлом военную службу за рубежом. В список наряду с германскими и австро-венгерскими подданными, которых насчитывалось 38 чел., включены представители Франции, Швеции, Англии, Швейцарии, Бельгии, 27 чел. родились в России[7].

Определяя благонадежность иностранных подданных, местные власти обращали также внимание на их вероисповедание, наличие связей с заграницей, использование в быту иностранного языка. Дриссенский уездный исправник в рапорте витебскому губернатору 29 июля 1914 г. (все даты приводятся по старому стилю) докладывал следующее о проживавших в уезде прусских подданных, которые имели славянское происхождение: «Названные иностранцы родились в России, за границу никогда не выезжали и никакого общения с Пруссией или Германией и вообще с заграницею не имеют и никого там не знают, немецким языком совершенно не владеют, разговаривают на белорусском языке, общественного положения не занимают, образовательного ценза не имеют»[8]. Рапорты гражданских чиновников содержат информацию и об особенностях быта иностранных подданных. В марте 1915 г. пристав 3-го стана Пинского уезда следующим образом охарактеризовал немецкую семью, купившую землю на хуторе Александрово в Пинском уезде Минской губернии: «Семья Фосса обрабатывает купленную землю у Комар сама лично средствами и трудом ничем не отличающимися от местного населения и по быту своему ничем равно не отличается от местного (населения) крестьянства. Единственно, что служит раздельностью их от крестьян, так это несколько усвоенное упорядочение сельского хозяйства, большой навык к трудолюбию, а самое главное, их верование и разговорный в семье немецкий язык, до сих пор незнакомые крестьянству в этой местности, каковое и отчуждает от них местное население»[9].

В военное время собранные сведения использовались для осуществления репрессивных мер против подданных и выходцев из воюющих с Россией государств. После объявления войны на территории Беларуси стали действовать Правила для местностей, объявленных на военном положении. Все находившиеся в России германские, австро-венгерские и турецкие подданные от 18 до 45 лет, способные носить оружие, становились военнопленными, которыми распоряжалось Министерство внутренних дел. В западных губерниях они подлежали выселению в глубь России. Этот статус распространялся и на неспособных к военной службе германцев, австрийцев, венгров, турок, если их подозревали в шпионаже[10]. Пожилые иностранцы, ранее служившие в рядах армий неприятельских стран, рассматривались властями как наиболее вероятные шпионы. 63-летний австрийский подданный чешского происхождения Адольф Рихтер был выселен из Игуменского уезда Минской губернии в г. Вологду в августе 1914 г. Вскоре он обратился к минскому губернатору с прошением о возвращении на прежнее место жительства. Игуменский уездный исправник написал: «Адольф Рихтер представляет из себя довольно развитого в умственном отношении и, безусловно, преданного своей родине человека, служившего, как и сын Иннокентий, в рядах Австрийской армии и, несомненно, достаточно укрепленного в духе национального самосознания австрийского гражданина»[11]. Прошение Рихтера было отклонено.

Выселяемым надлежало ехать за свой счет в Вологодскую, Вятскую, Оренбургскую, Заволжскую, Костромскую и другие губернии. Однако не все ссыльные располагали необходимыми суммами. Например, в августе 1914 г. на имя минского губернатора поступило прошение Юзефа Зака, проживавшего в минском ночлежном доме: «Будучи выселен из пределов Волынской губернии и не имея средств заехать в Оренбургскую губернию, куда меня выселяют на жительство, я желаю в настоящее время принять русское подданство»[12]. На случай сопротивления властям предполагался этапный порядок следования депортированных. Но такой переезд часто проходил с большими трудностями. Из-за нехватки транспортных средств на пересыльных пунктах возникали пробки[13]. В сопроводительных документах, выдаваемых иностранцам, не всегда указывался пункт назначения, что также вызывало заминку в движении поездов[14].

Многие иностранцы, будучи в ссылке, пытались получить разрешение на ее отмену. Необходимо отметить, что руководство прифронтовых губерний в редких случаях разрешало некоторым высланным вернуться. В сентябре 1914 г. такое разрешение получили австрийские подданные Болеслав Намысловский и Мирослав Чишевский[15]. Они выехали из Вологды обратно в Витебскую губернию на основании поручительства за их лояльность, предоставленного «известными и заслуживающими доверия людьми». Но большинство ссыльных не имели шансов на возвращение до конца войны. В марте 1915 г. попытку реабилитироваться предпринял высланный в Вятскую губернию австрийский подданный Станислав Францев Цихий. Ввиду дружественного отношения российского правительства к иностранным славянам Цихий в своем прошении на имя вятского губернатора отметил, что является не австрийцем, а поляком. Губернатор не отклонил прошение Цихого, однако из Минской губернии пришел категорический отказ. Пребывание гражданского военнопленного в пределах территории, состоящей на военном положении, считалось недопустимым[16]. Аналогичный ответ отсылался и другим просителям.

В годы войны губернские власти проводили в жизнь ряд мероприятий, ограничивавших права иностранных диаспор, представлявших воюющие с Россией государства. Данные лица, кроме славянских выходцев, исключались из состава союзов, обществ и других частных, общественных и правительственных организаций. Также они лишались права на защиту в суде. В общественных местах воспрещалось употребление немецкого языка[17]. В то же время подданным стран Тройственного, а затем Четверного союза, не являющимся военнообязанными и не заподозренным в шпионских действиях, было позволено остаться на прежнем месте жительства и даже ходатайствовать о предоставлении российского подданства. Они могли содержать торговые предприятия и заниматься кустарными промыслами[18]. Но им приходилось жить под постоянным полицейским надзором и угрозой выселения. Начальники военных округов в начале войны уведомили губернаторов, что подозреваемых в шпионаже даже при отсутствии улик, неопровержимо доказывающих их причастность к противозаконной деятельности, следует депортировать[19]. В конце июля 1914 г. в Витебске был задержан, а затем выслан в заволжские губернии австрийский подданный Франц Лавтизар. Основанием для ареста послужило общение с двумя подданными Германии, подозреваемыми в сотрудничестве с немецкой разведкой. В доме Лавтизара жандармы нашли подробные карты Европейской России, а также Витебской, Пермской и Таврической губерний[20].

В сложном положении оказались семьи, оставшиеся без кормильцев. В октябре 1914 г. проживавшая в витебском уезде жена германского подданного Елена Васильевна Гирш подала прошение на имя витебского губернатора. Просительница сообщала: «Ввиду объявления войны России муж мой Оскар Оскарович Гирш был арестован и содержался под арестом в караульном помещении Витебского Уездного Воинского Начальника. 5 августа с. г. он подал прошение на имя Вашего Превосходительства о принятии его в русское подданство. Но, несмотря на это, он был отправлен по назначению в г. Вологду, где он находится под арестом в данное время. Оставшись одна без всяких средств к существованию с 4 малолетними детьми, умоляю Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение о возврате из Вологды моего мужа»[21]. Губернатор оставил прошение Гирш без удовлетворения.

Подданные воюющих с Россией держав, не подлежавшие выселению, сталкивались с подозрительным отношением со стороны российских подданных. В фонде 1430 Национального исторического архива Беларуси «Канцелярия Витебского губернатора» сохранилась жалоба на имя витебского губернатора от шести служащих имения графа Хрептовича-Бутенева в местечке Бешенковичи. Авторы этой жалобы писали про немку Лидию Зеберг и австрийскую подданную Россель, которые не стали жертвовать деньги на помощь раненым русским воинам. При этом, как следует из жалобы, иностранки заявили, что предпочли бы сделать пожертвование только германским раненым. Далее сообщалось, что местная полиция не провела серьезного расследования. Жалоба заканчивается словами: «Пристав Жерносиков защищал Германских и Австрийских подданных, нам как Русским подданным обидно, а потому ходатайствуем пред Вашим Превосходительством как о допросе нас, так и выселении из мест. Бешенковичи Германской подданной – Арент и Австрийской подданной – Россель как вредных Русскому Правительству, а также просим Ваше Превосходительство обратить Ваше внимание на защитников врагов нашей Родины, кои ходатайствуют за Арент и Россель»[22]. Жалоба была отклонена.

В 1915 г. в связи с продвижением фронта в глубь России царским правительством принимаются меры, свидетельствующие об ужесточении политики в отношении выходцев из стран-противников. 2 февраля 1915 г. Совет Министров утверждает положение о конфискации внегородских недвижимых имуществ в прифронтовых губерниях, принадлежащих австрийским, венгерским и германским подданным, а также российским подданным из германских, австрийских, венгерских выходцев и их потомков по мужской линии[23]. В том же году губернским властям предписывалось очистить район театра военных действий от немецких колонистов[24]. Таким образом, получение российского подданства не могло оградить немцев, австрийцев и венгров, которые жили в сельской местности, от выселения и конфискации недвижимого имущества.

Российские власти недоверчиво относились не только к выходцам из государств-противников. Под подозрением оказались китайцы. В фонде 1430 НИАБ хранится «Дело о высылке из пределов Витебской губернии китайских подданных». В секретном циркуляре МВД от 28 июля 1914 г. местным властям сообщалось, что китайцы-торговцы вербуются Германией и Японией для шпионажа в России. В документе было отмечено: «Установленным наблюдением по С. Петербургу и Москве за китайцами-торговцами выяснено, что они в обеих столицах подразделяются на группы, из коих каждая представляет собой правильную, тесно сплоченную и отлично дисциплинированную организацию. При этом нельзя не отметить, что большинство из китайцев располагают весьма незначительной наличностью товара, как бы существующего у них лишь для отвода подозрений. Некоторые их них имеют самое смутное представление о цене и качестве продаваемого ими товара»[25].

Впрочем, количество китайских подданных в Витебской губернии составляло единицы. В августе 1914 г. из Режицкого уезда были высланы Фу-тань Люй, Луйцуы и Цун-ли Ван. При этом у местных властей возникли непредвиденные сложности. Себежский уездный исправник телеграфировал в Витебск: «Вопреки распоряжению арестованные следовали сухопутьем из Режицы до Себежа семь дней, проехав всего 85 верст. При них лошадь и медведь. В случае отправки китайцев этапом лошадь возможно сдать на сбережение. Медведь опасен для окружающих. Железная дорога никаких грузов не принимает. Как прикажете поступить». В итоге было решено отправить иностранцев по грунтовым дорогам вместе

с их грузом в Псковскую губернию. В сентябре 1914 г. под Витебском были задержаны и затем выдворены из губернии еще трое китайских торговцев. В Дриссенском уезде китайскому подданному по имени Павел Иванов Ю-чшунь-Цеиангу (принял православие в 1913 г.), служившему лакеем в имении полковника Бискупского, было позволено остаться[26]. В остальных уездах и городах губернии, согласно рапортам местных чиновников, китайских уроженцев не было.

Таким образом, иностранные подданные составляли незначительную долю в составе населения белорусских губерний. Но большинство из них были подданными Германии и Австро-Венгрии, и поэтому данная группа населения находилась под пристальным вниманием российских центральных и местных властей. В предвоенное время руководство губерний и военных округов большое значение придавало сбору сведений о проживавших в Беларуси иностранцах. Выселение гражданских военнопленных в отдаленные регионы России стало одним из основных направлений в деятельности гражданской администрации на территории Беларуси. Вместе с тем власти не считали необходимым полное выселение из западных губерний подданных неприятельских стран. Неспособные к военной службе могли остаться. Но они были существенно ущемлены в правах и в любой момент могли быть выселены. К тому же им приходилось сталкиваться с подозрительным отношением со стороны российских подданных, испытывать нужду из-за высылки кормильцев. Тем не менее их участие в общественной жизни края не было полностью парализовано. Власти разрешали им владеть землей (до 1915 г.), заниматься предпринимательством. Однако в дальнейших мероприятиях официальных властей, обусловленных продвижением армий противника в глубь России, прослеживается курс на полное очищение белорусских губерний от жителей немецкого, австрийского, венгерского, турецкого происхождения, включая российских подданных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904. Вып. 22: Минская губерния. С. 4; 1904. Вып. 11: Гродненская губерния. С. 4.

2 См.: Обзор Виленской губернии за 1912 год. Вильно, 1913. С. 36; Первая всеобщая перепись… СПб., 1900. Вып. 4. Тетр. 1: Виленская губерния. С. 1.

3 См.: Первая всеобщая перепись… СПб., 1903. Вып. 23: Могилевская губерния. С. 1; Обзор Могилевской губернии за 1913 год. Могилев, 1915. Прил. 11.

4 См.: Первая всеобщая перепись… СПб., 1904. Т. 11: Гродненская губерния. С. 1; Обзор Гродненской губернии за 1913 год. Гродно, 1914. Ведомость 10.

5 См.: Обзор Витебской губернии за 1914 год. Витебск, 1916. Ведомость 27; Первая всеобщая перепись… СПб., 1901. Вып. 5. Тетр. 1: Витебская губерния. С. 1.

6 См.: Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48951. Л. 22 об.–23.

7 См.: НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48950. Л. 8–9.

8 НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 53820. Л. 39.

9 НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 15822. Л. 3–3 об.

10 НИАБ. Ф. 2687. Оп. 1. Д. 250. Л. 2.

11 НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8634. Л. 40–41.

12 НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 15802. Л. 2.

13 См.: НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 69. Л. 30.

14 См.: НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 65. Л. 44.

15 См.: НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48815. Л. 19.

16 См.: НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 9132. Л. 2, 6.

17 См.: Черепица В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. Гродно, 2006. С. 65.

18 См.: НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 69. Л. 163.

19 См.: НИАБ. Ф. 2687. Оп. 1. Д. 250. Л. 2.

20 См.: НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48814. Л. 3.

21 НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48811. Л. 27.

22 НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48808. Л. 37–38.

23 См.: НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 65. Л. 486.

24 Там же. Л. 422.

25 НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48807. Л. 17–17 об.

26 Там же. Л. 8, 10, 15, 31, 44–45.

Поступила в редакцию 29.06.12.

Сергей Николаевич Рындин – аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор, директор Государственного института управления и социальных технологий БГУ П. И. Бригадин.

П. В. ШЕВЕЛЕВ

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ФОРМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА НАСЕЛЕНИЕМ БЕЛАРУСИ В 1920-х гг.

Посвящена изменению системы семейно-брачных отношений на территории Беларуси в ранний период существования СССР. За основу этих изменений взято увеличение количества способов создания семьи в указанный период. С использованием широкой источниковой базы выделены четыре основные формы брака, описано их становление, обоснованы различия. Отличительной особенностью статьи является то, что все формы названных отношений рассматриваются в контексте законодательства того же периода, что позволяет более четко понять характеризуемый период. Сделана попытка не просто описать семейно-